

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК «АМУРЕЦ» ЕДВА НЕ ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ АМУРЦЕМ

Предисловие к путевым очеркам Ф. Чудакова 1917 года*

Менее года назад в авторитетном столичном издательстве вышло двухтомное, весьма объёмное собрание сочинений самого известного амурского литератора дореволюционного и революционного времени – результат многолетней поисковой и научно-исследовательской работы автора данных строк [1].

Сравнительно небольшая часть вошедших в двухтомник произведений, по мере того как они обнаруживались в ставших ныне библиографической редкостью периодических изданиях начала XX столетия, печаталась в нашем альманахе: см. № 8 (2009), 12 (2013), 14 (2015), 16 (2017), 17 (2018). Сразу после издания двухтомника казалось, что веских причин вновь публиковать в «Амуре» произведения Чудакова больше нет, ибо основной массив самого значительного из написанного им теперь доступен всем, кто интересуется творчеством «амурского Саши Чёрного»: двухтомник можно заказать по интернету или купить в московских книжных магазинах. Но месяца три назад произошло событие, заставившее по-новому взглянуть на эту ситуацию.

Чтобы читателям альманаха было понятно, о чём идёт речь, напомним: одним из самых тёмных мест в жизненной и творческой биографии писателя был и до сих пор остаётся период между мартом 1917-го и началом 1918-го. Причина в следующем. Вскоре после Февральской революции сатирик, до того восемь с половиной лет безвыездно проживший в Приамурье под гласным надзором полиции (а всего, с момента ареста, одиннадцать лет не видевший родных мест), всё это время лишённый права покидать его пределы (расплата за побег в 1908 году из енисейской ссылки), решил вернуться на свою родину – в город Чембар Пензенской губернии. Об этом, в частности, свидетельствует короткая заметка в «Амурском эхе»: «Фёд. Ив. Чудаков благодарит всех товарищей и знакомых за теплоту и ласку,

Фёдор Иванович Чудаков

проявленную ими при проводах его на родину. Да здравствует свободный край, которому мы все посильно служили!» [2]. О том, что *Амурец* покинул Благовещенск, говорится и в опубликованном на следующий день «Заявлении редакции “Амурского эха”», где опровергаются слухи о закрытии газеты из-за ухода прежних сотрудников, но признаётся, что «уехал из города на родину Фёдор Иванович Чудаков, газетный работник исключительной талантливости» [3]. Судя по упоминаемым в путевых очерках датам (см. об этом в примечаниях), «Амурское эхо» сообщило об отъезде своего бывшего сотрудника из Благовещенска более чем с недельным опозданием. Начиная с апреля, в самой авторитетной прежде газете Приамурья, секретарём редакции и одним из ведущих авторов которой несколько лет был Чудаков (а до того – в газете «Эхо», предшественнице «Амурского эха»), его произведения больше не печатались.

Вплоть до настоящего времени принято было считать, что примерно через полгода, то есть осенью того же 1917-го, Ф. Чудаков вернулся в Благовещенск и вновь стал печататься, но уже не в политически поправевшем «Амурском эхе»,

* Выражаю признательность литературному краеведу Евгению Паршину за ценную помощь в подготовке этой публикации.

превратившемся к тому времени в орган так называемого Союза амурских республиканцев [4], а в начавшей выходить с 15 (28) апреля 1917 года эсеровской газете «Народное дело» (в ней сатирик, кстати, довольно часто высмеивал «амурских республиканцев») [5].

В конце января 1918-го Чудаков, творчески задыхавшийся в тисках сугубо партийного издания и партийной же дисциплины, стал издавать собственный еженедельный сатирический журнал «Дятел, беспартийный», успев выпустить до своего трагического ухода в марте 1918-го шесть номеров (седьмой, посмертный, подготовил к печати брат сатирика Дмитрий). Произведения, публиковавшиеся в *беспартийном* «Дятле...», в большинстве своём включены в состав двухтомника, некоторые из них перед этим печатались и в нашем альманахе.

А вот чем была наполнена жизнь сатирика между мартом 1917-го и январём 1918-го, чем он занимался и где находился всё это время, что заставило вернуться на Амур, какие произведения созданы им в этот период, какие темы его волновали – всё это было подёрнуто завесой неизвестности. Одна из главных причин – отсутствие в дальневосточных и центральных архивах и библиотеках, включая РГБ (Москва) и РНБ (Санкт-Петербург), газеты «Народное дело», в которой Ф. Чудаков печатался после того, как перестал сотрудничать с «Амурским эхом». В Амурском областном архиве хранятся лишь несколько разрозненных номеров «Народного дела»; обнаруженные в них произведения *Амура* (фельетоны и сатирические стихи «Поиски», «Хозяин тут», «На улице» и «Детская песня») были включены в двухтомник.

И вот совсем недавно газета, ранее считавшаяся утраченной или, по крайней мере, недоступной, нашлась, пусть пока и не в полной комплектации. Обращение к данному периодическому изданию помогает узнать о том, что прежде было сферой догадок и предположений. Например, уточнить сроки отъезда Чудакова из Благовещенска и, что особенно важно, его возвращения (см. об этом в примечаниях к *путевым очеркам* «Навстречу весне»).

Помимо «маленьких фельетонов», самые интригующие публикации Чудакова в «Народном деле» – очерки «Навстречу весне» и «Хроника телячьего экспресса», рассказывающие о его возвращении на родину. Точнее, о двух отрезках этого протяжённого пути: от Благовещенска и до станции Амазар в Забайкалье («Навстречу весне») и от Куэнги до станции, следующей сразу за станцией, обозначенной лишь заглавной буквой П. («Хроника телячьего экспресса»).

Похоже, что в очерках автор хотел описать весь свой путь от Благовещенска до Чембара. Очерки должны были не только показать революционную Россию глазами человека, пересекающего её по железной дороге от Дальнего Востока до центральной части, не только рассказать о самых ярких дорожных впечатлениях автора, но и запечатлеть перемену в его настроении: от «телячьего восторга» по поводу революционных перемен до полного разочарования в них. Тем самым Чудаков хотел, наверное, наглядно объяснить амурским читателям и благовещенским друзьям-журналистам причины, вынудившие его вернуться в Приамурье – подальше от эпицентра революции, поближе к самой окраине российской земли. А кроме того – вновь заслужить мораль-

Железнодорожный вокзал Благовещенска, вид со стороны путей. Начало XX в.

Станция Бочкарёво (ныне Белогорск), здание вокзала. 1910–1914 гг.

ное право на «фирменный» свой литературный псевдоним – *Амурец*. Кстати, сразу после возвращения в Благовещенск автор какое-то время не решался подписывать им свои тексты, рассказывающие о том, как он покидал Амур. Первые три части очерков «Навстречу весне» подписаны (впервые в творческой жизни писателя!) подлинным, полным именем – *Фёдор Чудаков*, и лишь четвёртая, опубликованная спустя месяц после возвращения, восстановила статус-кво: Чудаков вновь воспользовался самым любимым своим псевдонимом *Амурец*.

Почему столь интересный (и для автора, и, надо полагать, для его тогдашних читателей) замысел не был реализован в полном объёме (если он действительно не был осуществлён)? Может быть, из-за чудовищной загруженности Чудакова, взвалившего на себя чрезвычайно обременительные обязанности редактора только что буквально на голом месте созданной газеты. А возможно, и потому, что происходившие летом и осенью 1917 года в Благовещенске драматические события, стремительно ухудшавшаяся социально-политическая и экономическая обстановка вынуждали Чудакова переключаться на другие, более насущные для его читателей темы. Нельзя упускать из виду и то, что «Народное дело», в отличие, например, от «Эха» или «Амурского эха», где многие годы печатался *Амурец*, не являлось и в малой степени изданием литературным. Это была чисто партийная газета, печатавшая почти исключительно хронику разворачивающихся в стране и, в частности, в Приамурье событий, статьи на политические темы и сугубо партийные материалы (рекламные объявления, позволявшие газете

держаться на плаву – не в счёт). Литературные же тексты Чудакова – фельетоны, изредка стихи (единственные в своём роде на страницах «Народного дела») – явно диссонировали со всеми остальными материалами, заполнявшими газету. Видимо, поэтому их удельный вес, и без того ничтожно малый, постепенно снижался. Чудакову как редактору, наверное, приходилось выслушивать упрёки от партийных функционеров за «нецелевое использование» газетной площади, ибо данное издание было печатным «органом партии социалистов-революционеров, народных социалистов и трудовиков», а потому художественные тексты без эсеровской идеологической начинки могли восприниматься «заказчиком» как уход от обостряющейся с каждым днём политической борьбы. Поэтому, видимо, опубликованное Чудаковым на страницах «Народного дела» по объёму, а особенно по тематическому и жанровому разнообразию существенно уступает тому, что он прежде печатал в «Амурском крае», «Эхе» и «Амурском эхе».

Так или иначе, если первые три части очерков «Навстречу весне» появлялись в «Народном деле» с завидной регулярностью (21, 24 и 26 мая), то четвёртая вышла лишь через месяц – 23 июня. Хотя часть эта оказалась заключительной, завершалась она фразой, которая обещала продолжение: «Утром приедем в Куэнгу».

Современные читатели в подавляющем большинстве вряд ли слышали экзотическое слово Куэнга, а если и слышали, то не сразу вспомнят, где и в какой связи. Ныне Куэнга – захолустная железнодорожная станция на Забайкальской же-

лезной дороге, относящаяся к Сретенскому району Забайкальского же края. А вот современники Фёдора Чудакова, в особенности те, кому доводилось совершать поездки по Амурской железной дороге, хорошо знали, что это такое. В 1910-е годы прямые поезда от Благовещенска в западном направлении доходили только до Куэнги, которая была важным перевалочным пунктом. А далее пассажирам приходилось делать остановку и пересаживаться на другие поезда, следовавшие от Куэнги в сторону Восточной Сибири.

Как долго добирался автор путевых очерков от Благовещенска до этой станции? Выяснить это оказалось не так сложно, ведь газеты 1917 года постоянно информировали своих читателей о движении поездов по Амурской железной дороге, сообщая им о сезонных изменениях в расписании. Приведём одно из таких объявлений, напечатанное за два месяца до отъезда Ф. Чудакова на родину:

«Управление временной эксплуатации Амурской железной дороги доводит до сведения пассажиров, что с 1 февраля вводится новое расписание поездов. <...> Поезд № 3 отходит из Благовещенска в 1 ч. 40 м. дня; прибывает в Бочкарёво [6] в 5 ч. 31 м. дня; отправляется в 6 ч. 55 м. веч.; прибывает в Куэнгу в 5 ч. 12 мин. утра. Время иркутское. <...> Начальник Амурской железной дороги Зеест» [7]. В этом объявлении не уточняется очевидное для современников Чудакова обстоятельство – что в конечный пункт поезд «Благовещенск – Куэнга» прибывает отнюдь не на следующее утро.

Как известно, расстояние от Благовещенска до Бочкарёво (Белогорска) по железной дороге

– примерно 100 км, поезд, судя по процитированному расписанию, проходил его в 1917 г. за 4 часа. Следовательно, средняя скорость – 25 км в час (для сравнения: в наши дни средняя скорость пригородных и местных поездов – 50–60 км). Расстояние от Благовещенска до Куэнги – 1450 км, если разделить на среднюю скорость (25 км), получится 58 часов. Соотнеся эту цифру с расписанием (поезд приходил на конечную станцию в 5.12 утра по иркутскому времени), можно сделать вывод, что Ф. Чудаков добирался до Куэнги 64 часа 32 минуты. То есть находился в пути около трёх суток.

В Куэнге, где обычно скапливалось гораздо больше пассажиров, чем их могли вместить редкие поезда, относительно комфортное путешествие по железной дороге закончилось. Начались серьёзные трудности: автору пришлось, как он отмечает, четырнадцать часов простоять в очереди у билетной кассы, а затем и вовсе расположиться на крыше «телячьего экспресса».

Чем можно объяснить (помимо неразберихи, свойственной революционному времени) столь экстремальные обстоятельства? Почему Чудакову пришлось ехать, как он пишет, «в теплушке», а два перегона – и вовсе на крыше «телячьего экспресса»? Судя по всему, большие поезда (настоящие, не «телячьи», экспрессы) через Куэнгу – своеобразный железнодорожный тупик – тогда не проходили. А проходил какой-нибудь местный «экспресс» «Чита – Куэнга – Сретенск», составленный, в основном, из малоприспособленных для перевозки людей «теплушек». Экспрессы, нормальные поезда дальнего следования в направлении Москвы, Петрограда отправлялись

Алексеевск (ныне Свободный). Железнодорожный вокзал. 1915 г.

Здание железнодорожного вокзала на станции Куэнга. Начало XX в.

только от Читы. То есть, похоже, в теплушке (и на теплушке) писателю пришлось проехать от Куэнги до Читы – 328 км (примерно 15 часов).

Уже по этой причине понятно, почему у путевых очерков, начиная с описания Куэнги, меняется название: то, что произошло на этой станции, напрочь выбило из автора «телячий восторг».

Тем не менее, «Хроника телячьего экспресса» – это не новое, не абсолютно самостоятельное произведение, а продолжение предыдущего, хотя и с некоторыми качественными изменениями. Или, быть может, часть циклического единства, которое хотел выстроить автор путевых очерков. Возможно, и далее он планировал давать новые названия «сплоткам» частей, описывающих тот или иной отрезок своего протяжённого маршрута.

Повествование в «Хронике...» обрывается ещё быстрее, чем в «Навстречу весне»: пока удалось обнаружить лишь две части, в них рассказывается о Куэнге, а также о том, как автор успел проехать на крыше вагона два железнодорожных перегона.

В единый цикл с предыдущими частями «Хронику телячьего экспресса» связывает одинаковое жанровое обозначение – *путевые очерки*, а также общий сюжет – описание одной и той же поездки автора-повествователя. Проблемно-тематическую и идейно-смысловую связь с предыдущими очерками, первая часть которых носит название «Телячьи восторги», автор обозначил уже и в заглавии, вновь обратившись к запомнившемуся читателям эпитету (выражение «телячий восторг» в «Навстречу весне» звучит четырежды!), но употребляет его в несколько ином значении. В первом случае эпитет «телячий» входит в состав идиоматического выражения, иносказательно обозна-

чающего бурный, часто беспричинный восторг, охватывающий человека от избытка чувств. Выражение «телячий восторг» обычно несёт в себе оттенок иронии, в нашем случае – авторской самоиронии. Причину направленной на себя иронии понять несложно: бурный восторг, пережитый писателем в марте 1917 года в связи с крушением самодержавия, к моменту работы над путевыми очерками «Навстречу весне» (май-июнь) успел испариться, а потому даже со сравнительно небольшой временной дистанции не мог уже восприниматься без насмешки над самим собой.

Напомним первую реакцию Фёдора Ивановича на крушение монархии – короткий стихотворный текст, опубликованный в «Амурском эхе» 5 (18) марта 1917 года:

Четвёртый день в душе трезвон!
И солнце светит взору!
Какой возможно фельетон
Писать в такую пору?
Я не писатель. Я – звено
великого народа!
И я могу писать одно:
Да здравствует Свобода!
Да здравствует Свобода!
Да здравствует Свобода!
Свобода!

Уже к концу мая подобная экстатическая реакция на февральские события воспринималась автором в лучшем случае как верх наивности, как «телячий восторг», а ещё через пару месяцев – как откровенная глупость, о которой неловко вспоминать.

В «Хронике телячьего экспресса» никакого восторга, даже «телячьего», автор уже не испытывает: на смену мягкой самоиронии пришла более жёсткая ирония, обращённая вовне – на несуразные явления действительности. Эпитет «телячий» здесь означает не «бурный», как в первых очерках, а «предназначенный для перевозки скорее скота, чем людей».

Тональность «Хроники...» существенно отличается от тональности очерков «Навстречу весне»: авторской патетики, буквально пронизывавшей майские очерки, здесь нет и в помине. Как уже отмечалось, различия в тональности обусловлены и характером описываемых событий, и тем, что «Хроника телячьего экспресса» создавалась двумя месяцами позже – в августе, когда никаких иллюзий относительно Февральской революции у Чудакова уже не осталось.

О трансформации повествовательной стратегии сигнализируют и подписи: в отличие от подписей к очеркам «Навстречу весне» (*Фёдор Чудаков, Амурец*), лишённых иронической модальности, для частей «Хроники...» автор избирает псевдонимы с явственным ироническим оттенком: *Дядя Фёдор* и *Дядя Федя*. Ироничны, комичны в «Хронике...» и все три заглавия: и общее (само несуразное сочетание «телячий экспресс»), и названия частей: «На высоте» (в значении «на крыше теплушки»), «Крути, Гаврила!» (намёк на то, что «экспресс» вовсе не экспресс, а нечто, напоминающее примитивную по устройству железнодорожную дрезину).

Возможно, в будущем – отдалённом или, надемся, сравнительно близком – удастся найти продолжение путевых очерков Чудакова или же какие-то другие его тексты, которые раскроют причины, вынудившие сатирика, почти не задержавшись в родном Чембаре, вернуться на Амур. Сейчас уверенно судить о них невозможно. Загадка возвращения Чудакова в Благовещенск в мае 1917 года остаётся по-прежнему не раскрытой...

Это, однако, не умаляет значимости публикуемых ниже текстов. Конечно, в первую очередь они интересны тем, что расширяют представление о биографии Фёдора Чудакова, о его мироощущении, о динамике его взглядов, добавляют новые штрихи к его портрету, раскрывают новые грани личности писателя. Во-вторых, очерки содержат ценные зарисовки жизни, быта вековой давности, значимые подробности, позволяющие лучше понять реалии описываемой эпохи, взгляды, психологию современников автора – простых, обычных людей, населявших Приамурье и Забайкалье. «Навстречу весне» и «Хроника телячьего экспресса» представляют несомненный познавательный интерес. Для тех, например, кто склонен

идеализировать Российскую империю предреволюционного времени, откровением могут стать рассказы бывших каторжников, строителей «амурской колесухи» о том, что им довелось пережить: оказывается, ничем существенным порядки на «колесухе» не отличались от порядков, позднее царивших на строительстве Беломорканала, на других «великих стройках социализма» эпохи сталинского ГУЛАГа. В-третьих, и это, пожалуй, главное – перед нами добротная проза, способная доставить подлинное эстетическое удовольствие.

Что же касается нескольких десятков великолепных фельетонов *Амура*, печатавшихся в «Народном деле» и являвшихся откликом преимущественно на амурские, благовещенские события 1917 года, то их публикация в следующем выпуске «Амура», надеюсь, доставит не меньшую радость читателям творчества Ф. Чудакова.

Примечания

1. Чудаков Ф.И. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / составление, подготовка текста, вступ. статья, комментарии А.В. Урманова. М.: Викмо-М: Русский путь, 2019. Т. 1: Накипь дня: Сатира. Легенды и сказки. Лирика. 800 с. Т. 2: Убитая песня: Проза. Драматургия. Отклики на смерть Ф.И. Чудакова. Воспоминания. 592 с.

2. Амурское эхо. 1917. Прибавление к № 626. 13 (26) апреля. С. 2. Приложение (прибавление) это почему-то (ошибочно?) датировано 14 (27) апреля, хотя № 626, к которому оно «прилагается», вышел и датирован 13 (26) апреля.

3. Амурское эхо. 1917. № 627. 14 (27) апреля. С. 3.

4. Союз амурских республиканцев – близкая к кадетам политическая группа, защищавшая интересы местной буржуазии. В Союз входили такие известные общественные деятели Благовещенска (в большинстве своём гласные городской думы), как Н.Ф. Губанов, Д.В. Дулетов, С.П. Каффка, П.Г. Малыхин, Н.И. Старокотлицкий, И.Д. Прищепенко, И.М. Хоммер, Ф.Н. Чиликин... Почти все они и до 1917 года не раз становились героями «маленьких фельетонов» *Амура* (см. его двухтомник).

5. См., например, фельетоны (все под псевдонимом *Амура*): Где они? // Народное дело. 1917. № 34. 28 мая. С. 3; Гуртом // Народное дело. 1917. № 38. 2 июня. С. 2; Пир «республиканцев». *Фантазия* // Народное дело. 1917. № 51. 18 июня. С. 3; Томление // Народное дело. 1917. № 59. 28 июня. С. 3; Баллада про «республиканцев». *Шутка* // Народное дело. 1917. № 74. 16 июля. С. 2; Республиканские (без кавычек) вирши. *Размышления на лоне природы* // Народное дело. 1917. № 116. 6 сентября. С. 3.

6. Бочкарёво – железнодорожная станция в 108 км к северо-востоку от Благовещенска, построенная в 1913 г. при прокладке Амурской железной дороги. В 1931 г. переименована в Краснопартизанск, в 1935-м – в Куйбышевску-Восточную, в 1957-м – в Белогорск.

7. Амурское эхо. 1917. № 571. 28 января (10 февраля). С. 4.